

УДК 94(4/5)

ББК 63.3(051)

О значении методологического принципа «мышление пространством» в исследовании истории государств евразийского региона

Ж.И. Ибрагимов¹, Ю.А. Зеленин², Р.В. Насыров²

¹ Евразийский национальный университет им Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

² Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Significance of the Methodological Principle "Space Thinking" in the Study of the History of the Eurasian Region States

J.I. Ibragimov¹, Yu.A. Zelenin², R.V. Nasyrov²

¹ L.N. Gumilev Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

² Altai State University (Barnaul, Russia)

В статье ставится цель раскрыть значение методологического принципа «мышление пространством» в исследовании социально-экономических и государственно-политических систем евразийского региона. Предлагается рассматривать мышление пространством как методологический принцип, которому должны соответствовать исследования всех сторон социального бытия, в том числе и вопросы типологии культур и цивилизаций. Отмечается, что противоположностью объективно-научному познанию социальных явлений выступает идеологизированное мышление, примером которого является сравнение и оценка различных культур и цивилизаций без учета особенностей архитектуры их пространственной организации. Указывается на существенное различие двух типов государств — колониальных империй и территориальных держав. Подвергается критике идеологический миф о России как «тюрьме народов». Обосновываются различия в идейно-мировоззренческих основах возникновения и существования колониальных империй и территориальных держав. Отмечается, что достижение цели установления межгосударственного, межконфессионального и социального мира в евразийском регионе возможно в форме диалога различных культур и цивилизаций на основе общей цели сохранения традиционных ценностей и институтов.

Ключевые слова: пространство, методологический принцип, идеология, типология цивилизаций, Евразия, мышление пространством, колониальная империя, территориальная держава.

The article aims to reveal the significance of the methodological principle "space thinking" in the study of socio-economic and state-political systems of the Eurasian region. It is proposed to consider "space thinking" as a methodological principle, which should be consistent with the study of all aspects of social life, including questions of the typology of cultures and civilizations. It is noted that the opposite of objective scientific knowledge of social phenomena is ideologized thinking, an example of which is the comparison and evaluation of different cultures and civilizations without taking into account the peculiarities of the architectonics of their spatial organization. The essential difference between the two types of states — colonial empires and territorial powers is pointed out. The ideological myth about Russia as a "Prison of Nations" is criticized. Differences in the ideological and ideological foundations of the emergence and existence of colonial empires and territorial powers are substantiated. It is noted that achieving the goal of establishing interstate, interfaith and social peace in the Eurasian region is possible in the form of a dialogue of different cultures and civilizations based on the common goal of preserving traditional values and institutions.

Keywords: space, methodological principle, ideology, Eurasia, space thinking, colonial empire, territorial power.

DOI: 10.14258/izvasu(2023)6-10

В социальных науках (в отличие от естественных и технических) требование новизны исследования проявляется в своеобразной форме. Тезисы и положения, сформулированные учеными в прошлом, могут не столько опровергаться как ложные или устаревшие, сколько дополняться и развиваться с учетом новых исторических реалий. Актуальность и значимость научного исследования может определяться тем, что возникает необходимость в настойчивом напоминании и истолковании истинных положений, высказанных в прошлом, которые игнорируются в новом историческом контексте. В известном высказывании В.О. Ключевского об истории как надзирательнице содержится призыв учитывать уроки прошлого.

В истории России проявляется грустная закономерность, выраженная в афоризме «Нет пророка в своем отечестве». Современный российский историк А.И. Миллер, ссылаясь на известного норвежского специалиста по международным отношениям И. Нойманна, пишет о том, что в Западной Европе столетиями Россия воспринималась как «варвар у ворот» и «вечный подмастерье», и констатирует: «После распада СССР базовые компоненты этого дискурса мало изменились» [1, с. 117]. С одной стороны, признавая правоту историка в том, что в отношении Западной Европы нецелесообразно занимать позицию «осажденной крепости» [1, с. 120], с другой стороны, необходимо отказаться от цели вхождения в стиле «бедного родственника» в западноевропейские структуры. Ю.М. Лотман заметил, что «именно в тот момент, когда русская культура стала подчеркнута противопоставлять себя Западу, она приобрела в глазах Запада интерес» [2, с. 55].

Осознание того, что Россия — особая цивилизация и Западная Европа никогда не будет считать ее своей частью, допустимо назвать открытием «секрета Полишинеля». Еще в 1869 г. Н.Я. Данилевский писал: «С общей культурно-исторической точки зрения Россия не может считаться составной частью Европы ни по происхождению, ни по усыновлению... Можно ли быть и оставаться членом союза или общества, во всех отношениях нам враждебного, терпящего нас единственно ради извлечения из нас выгод без соответственного вознаграждения?» [3, с. 475–476]. Признаем, что игнорирование и забвение этого предостережения русского мыслителя представителями отечественной элиты (как политической, так и интеллектуальной) привело к фундаментальным ошибкам и значительным жертвам как во внутренней, так и внешней политике. Поэтому цель данной статьи — обосновать недопустимость отождествления континентальной (территориальной) державы с западными колониальными империями, которые относятся к талассократическим цивилизациям. Такое отождествление носит не объективно-научный, а идеологический характер.

Утверждая, что последние 150 лет отношений России и Западной Европы полностью подтвердили указанный тезис Н.Я. Данилевского, признаем, что он ошибался в том, что у России был лишь один вариант самоопределения — «вместе с прочими славянами образовать особую, самостоятельную культурную единицу» [3, с. 475]. История показала, что судьба России призывает ее быть континентальной (евразийской) державой. Речь не идет о возврате в прошлое в виде Российской империи или советской федерации. Использование в названии статьи словосочетания «государства евразийского региона» отражает современные реалии, когда на постсоветском пространстве возникли независимые государства, которые правомерно претендуют на написание собственных историй. Объективно условия северо-восточной части Евразии требуют образования прочного политического союза, но с учетом того, что прошлое повторить невозможно. Речь идет о традиции, которая, по выражению Х.-Г. Гадамера, «всегда является новой и всегда новой по-новому» [4, с. 265]. Это означает, что новая форма политического евразийского объединения возникнет не по заранее разработанному проекту, а в результате сложного и неизбежно противоречивого диалога государств Хартленда.

Для того, чтобы этот диалог был конструктивным, его участники должны обладать развитой культурой коммуникации, что предполагает способность следовать методологическому принципу «мышление пространством». Методология данной статьи учитывает такое влиятельное направление в современных социогуманитарных исследованиях, как структурализм (и постструктурализм): в общественной жизни, несмотря на ее динамизм и изменчивость форм социальной коммуникации, воспроизводится некий неизменный символический порядок того или иного типа общества. Также для понимания тезиса данной статьи о том, что принятие Россией в 1721 г. в качестве самоназвания термина «империя» имело отрицательные последствия. Необходимо учитывать, что методология социальных наук переживает «лингвистический поворот» — используемые термины и концепты определяют содержание мысли и влияют на социальную практику.

В современных условиях активно развивается критическая геополитика, которая не столько опровергает положения классиков этой науки, сколько дополняет и развивает их принципиальные установки. Оказалось, что географический (пространственный) фактор не просто детерминирует международные отношения и мировую политику, а предопределяет фундаментальные установки и контексты носителей мировоззрения той или иной культуры и цивилизации. В этом направлении в российской геополитической науке проводят исследо-

вания ряд ученых. Так, Д.Н. Замятин разрабатывает начала гуманитарной географии как «междисциплинарного научного направления, изучающего различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая мысленную (ментальную) деятельность» [5, с. 26]. В.Л. Цымбурский предлагает рассматривать геополитику как мировидение и систему воззрений, методик и дискурсивных приемов мышления: «Геополитика — это особая интеллектуальная парадигма, охватывающая сразу и *определенный вид отношения к миру*, и вместе с тем род занятий, ориентированный на классические для него образцы, ставящий перед собой характерные лишь для него проблемы и обладающий специфической техникой их решения» [6, с. 11].

В рамках этой тенденции придания фактору пространства фундаментального, по сути, онтологического значения французский философ Ж. Делез выдвинул и обосновал принципиальный тезис: «Философия — это геофилософия» [7, с. 110]. Используя категорию «план имманенции» (как пространства активности и устремлений той или иной цивилизации), философ показывает различия в мировоззренческих структурах и установках представителей различных цивилизаций, что соответствует положению классической геополитики о соотношении цивилизаций моря и суши. Ж. Делез пишет: «Англичане — это как раз те самые кочевники, что рассматривают план имманенции как движимую и подвижную почву, как радикальное поле для опыта, как мир-архипелаг, где они лишь на время раскидывают свои шатры — то на одном острове, то на другом, а то и прямо в море» [7, с. 122].

В русле этого общего исследовательского направления в данной статье предлагается рассматривать требование учета фактора пространства не просто как отдельный прием и способ социогуманитарных исследований, а в качестве методологического принципа. Значение этого принципа предопределено тем, что ученый-гуманитарий, формулируя предмет своего исследования, создавая те или иные теоретические конструкции, в своем сознании как бы перемещается в соответствующие сегменты сложно организованного социального пространства. Пространственное мышление принято определять как способность видеть и представлять мир трехмерным, объемным. Реальность не сводится к точке, линии и плоскости, а является, как минимум, трехмерной. Поэтому вполне допустимо утверждать, что объективное, т.е. истинное познание должно быть в принципе пространственным. Сказанное означает, что методы научной формализации и абстрагирования являются необходимыми как промежуточные этапы движения к истине. Мышление пространством — это не просто специфичная мыслительная операция, к которой

время от времени прибегает ученый, а необходимая и константная предпосылка адекватного отражения в сознании объекта исследования. С этой точки зрения идеологию (в негативном смысле как форму «ложного сознания») можно определять как линейное и/или плоское мышление, утратившее объемность восприятия мира.

Идеологизированное сознание, убежденное в том, что прямолинейное следование заранее определенному направлению развития на основе якобы универсальных истин (идеологом) автоматически приведет к позитивному результату, можно образно определить как «слепое», утратившее реальное восприятие мира. Отечественным обывателям и интеллектуалам свойственна склонность сравнивать свою страну с компактными и упорядоченными западноевропейскими государствами. Можно утверждать, что российское общественное сознание до сих пор находится под влиянием тех впечатлений и переживаний, которые испытал царь Петр I во время Великого посольства 1697–1698 гг. Для принятия этого тезиса важное методологическое значение для осознания континуальности исторического процесса (как во временном, так и пространственном аспектах) имеет концепт «мифологическое время», введенный в научный оборот французским антропологом К. Леви-Строссом. Общество в своей многовековой истории может переживать относительно короткие временные отрезки, которые в силу чрезвычайных событий и соответствующих переживаний, носивших массовый и стрессовый характер, предопределили черты национального характера. Французский ученый считает, что для Франции таким «мифологическим временем» была Великая французская революция [8, с. 186]. В отечественной истории последних трех веков таким «мифологическим временем» допустимо считать десятилетия правления Петра I, которые сформировали не только позитивные черты российского бытия и сознания, но и негативные.

О Петре I Н.М. Карамзин пишет: «Пылкий монарх, с разгоряченным воображением увидев Европу, захотел сделать Россию Голландией» [9, с. 36–37]. Такую цель можно было поставить в состоянии утраты реального восприятия пространства. Император не только не учел размеры территории и состав населения своей державы, но и не «заметил» огромные колониальные владения Голландии, которые были необходимым условием процветания этой компактной и упорядоченной европейской страны. В истории отечественной мысли правление Петра I предопределило возникновение дефицита интровертной (внутренней) установки на самопознание и соответствующую содержательную самостоятельность в мышлении, отсутствие которой сводит работу мысли и практику лишь к напряжению воли с целью со-

ответствовать неким плохо продуманным и реально не пережитым идеям и принципам. Петр I действительно Великий, так как он не просто определил направление и стиль развития России на несколько веков. Но он своей склонностью к подражанию Западу эмоционально «заразил» возникшую в результате его реформ российскую интеллигенцию «провинциализмом мысли».

Воспринимая извне понятия и идеологемы, необходимо иметь в виду, что они являются результатами обобщения, несомненно, ценного, но не универсального, а особенного исторического опыта. Как заметил известный отечественный лингвист Ф.П. Филин, «за каждым словом и его историей стоит целый мир» [10, с. 226]. Общепринятым является утверждение, что идеи гражданского общества и демократии зародились в Античности, а затем были развиты и реализованы в Новое время в государствах Западной Европы и Северной Америки. Но не всегда обращается внимание, что концепты «гражданское общество», «права человека», «демократия» имеют определенную пространственную локализацию. Философ А.Ю. Ашкеров использует понятие «опространствление политики» и пишет об античном полисе: «Античное политическое пространство — это городское пространство, пространство городского, пространство горожан. Оно представляет собой соотношенный с физическим пространством ансамбль сил, управляемых и одновременно управляющих интеграцией общества на принципах разъединения внутреннего и внешнего — «своего» и «чужого», свободного и рабского» [11, с. 556]. Не замечают внутреннюю противоречивость следующих суждений: «Исторически права человека могли развиваться и в результате буржуазных революций получить универсальный характер для ряда регионов мира, в частности в Североамериканских Соединенных Штатах, Западной Европе, благодаря постепенному прогрессу по пути к свободе, которая раскрепощает личность и обеспечивает формальное равенство всех перед законом» [12, с. 20]. Но склонность провозглашать и затем следовать *универсальным принципам* в пределах четко определенных *регионов* и составляет сущностную характеристику политико-правовых систем обществ, которые в геополитике относят к талассократиям («цивилизациям моря»).

Речь идет о нарушении методологического принципа «мышление пространством», когда общие выводы о государственно-политических системах выносятся на основе не всего топоса («месторазвития») данного общества, а лишь его части (метрополии). Поэтому, например, убежденность в том, что территория Франции в XIX в. была в десятки раз меньше, чем территория России, есть результат «обма-

на зрения». Г. Гадамер точно заметил, что один и тот же факт «может находиться в центре внимания или на периферии, или просто представлять часть заднего плана» [4, с. 136]. Суверенитет и территория, как признаки государства, неразрывно связаны. Суверенитет Франции распространялся и на огромные заморские территории. Поэтому характеристику формы этого государства в 1870–1940-х гг. необходимо начинать с указания на то, что Франция была колониальной империей, а режим 3-й республики распространялся лишь на метрополию, т.е. только на 1/20 часть территории и менее половины населения этого государственно-политического образования [13]. Становится понятным, как сформировалось мнение о цивилизованности и демократичности западных стран, которые устанавливают четкие пространственные границы реализации провозглашенных ими прав и свобод. Тогда как все, что происходит в пределах континентальной державы, принято трактовать как неотъемлемую часть ее истории; поэтому так просто, в противовес Британии или Франции, назвать Россию «тюрьмой народов» или «империей зла».

В заблуждение может ввести тот факт, что термину «империя» придали общее значение. Но, выделяя схожие признаки империй (обширная территория, состав населения и иные), необходимо обращать пристальное внимание на различия в организации и архитектонике имперского пространства, а также на идейно-мировоззренческие основы объединения народов и этносов, включенных в империю. С точки зрения геополитического подхода к типологии цивилизаций — талассократии (морские) и телурукратии (континентальные) — необходимо исходить из сущностного различия колониальных империй и территориальных держав. По своим объективным признакам северо-восточная часть Евразии предполагает формирование не колониальной, а территориальной империи (державы). Но Россия как политическая форма евразийской державы, приняв в 1721 г. для самоназвания термин «империя», стала заложницей процесса развития этого концепта в западноевропейском общественном сознании; в XIX в. у части западных интеллектуалов начинает формироваться негативное отношение к империи как форме угнетения народов. Русская интеллигенция включилась в эту пришедшую извне политическую полемику, самодержавию вынесли приговор, отождествив его с деспотизмом, а российскую державу назвали «тюрьмой народов». Не стоит отрицать, что перед Россией стояли проблемы демократизации политической системы и решения национальных вопросов. Но обсуждение этих проблем проходило в стиле, который В.О. Ключевский охарактеризовал так: «В знание уверовали прежде, чем успели овладеть им» [14, с. 450]; Н. Бердяев писал об этой склонности к идео-

логическим «новинкам, к последним европейским течениям, которые никогда не усваивались глубоко» [15, с. 1]. Примечательно, что и в настоящее время в информационной войне вновь начинает активно использоваться миф о России как «тюрьме народов». Хотя объективная оценка царского законодательства об окраинах и малых народах, а также национальная политика в СССР (как особой формы Российской державы) доказывает, что эта характеристика России носит не научно-объективный, а является идеологическим штампом.

Г.П. Федотов в своем известном очерке «Судьба империй» пишет: «Империя — это экспансия за пределы длительно устойчивых границ, перерастание сложившегося, исторически оформленного организма» [16, с. 173]. Этот тезис раскрывает начало процесса формирования любой империи. Империи всегда создаются «длинным копьём и острой саблей». Но заметим, что территориальные державы отличаются от колониальных империй в структуре и организации социально-политического пространства. Сущностный признак колониальных империй в том, что в архитектонике их социально-политического пространства сохраняется четкое различие метрополии и колоний. Тогда как постепенное преобразование княжества Русь в Российскую империю (как евразийскую державу) объясняется не якобы присущей склонностью к экспансии и порабощению, а объективными причинами, требованиями самого географического пространства. Х. Маккиндер, как не только геополитик, но и географ, указывает на природные границы, предполагающие возникновение в пространстве хартленда территориальной державы: «Правители России расстались с Аляской, ибо для русской политики является фактическим правилом не владеть никакими заморскими территориями, точно так же, как для Британии — править на океанских просторах» [17, с. 735].

Ссылка на то, что во внешней политике России всегда преобладал фактор обороны и самосохранения, вызывает саркастическое суждение — «Россия, обороняясь, превратилась в огромную континентальную державу!». Да, это так. Если колониальные империи возникают как результат более или менее успешной и потенциально многовариантной заграничной деятельности государств-метрополий, то формирование пространства территориальных держав является вопросом их самосохранения. По этому поводу Н. Бердяев заметил, что «русская душа ушиблена ширью» [18, с. 236], т.е. несет бремя этого необходимого условия своего существования. Заметно, как в настоящее время внедряют в общественное сознание мысли о целесообразности дезинтеграции России. Но на пространстве северовосточной Евразии невозможно заменить державу множеством средних и мелких государств; после гу-

бительного для местного населения состояния хаоса и процесса, аналогичного «переселению народов», проявится истина — «Свято место пусто не бывает», т.е. неизбежно возникнет новая цивилизация-держава.

Речь не идет об идеализации истории России; разумеется, оформление континентальной державы сопровождалось негативными явлениями. Но главный вектор развития был направлен в сторону формирования территориальной державы, в которой, по выражению Г.П. Федотова, нерусские владения «составляют прямое продолжение ее материкового тела, а массив русского населения не отделен резкой чертой от инородческих окраин» [16, с. 186]. Присоединенные народы не просто начинают сосуществовать рядом с титульной нацией, а включались в жизнь одной страны, что ярко проявилось в формировании многонациональной элиты. От признания особой роли державообразующей нации невозможно уклониться; если в имперский период этот статус русского народа признавался официально, то в советское время юридически был закреплен принцип равенства, но, по выражению Н.С. Трубецкого, русский народ продолжал нести бремя «первого между равными». Философ писал в 1927 г.: «Во всей этой работе по перевоспитанию национального самосознания с установкой на симфоническое (хоровое) единство многонародной нации Евразии русскому народу, быть может, приходится напрягать свои силы более, чем какому бы то ни было другому народу Евразии» [19, с. 98]. Т. Мартин назвал СССР «империей положительной деятельности», «странной» империей [20, с. 10], имея в виду акцентированное развитие национальных республик не только при существенной поддержке центра, но отчасти за счет дискриминации титульного большинства.

Идейно-мировоззренческой основой возникновения и функционирования колониальных империй является принцип прагматизма, что выражено в известном и циничном высказывании С. Родса: «Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами» [21]. Тогда как важнейшим условием самосохранения цивилизаций-держав является их идеократический характер. И.А. Василенко пишет: «Имперская традиция политической власти может длительно существовать только как нравственно-этическая, опирающаяся на моральные устои национальной традиции» [22, с. 24]. Важнейшую причину быстрого распада Тюркского каганата и империи Чингисхана сформулировали современники этих событий, указывая на неспособность правителей разного уровня стать выше собственных эгоистических интересов и целей. Используя термин Л.Н. Гумилева, можно ска-

зять, что в политической элите происходило размывание этоса «людей длинной воли».

Катаклизмы в истории России как евразийской державы во многом объясняются незавершенностью формирования собственно российской интеллектуальной и политической элиты, способной на суверенное, т.е. независимое и самостоятельное мышление. Достижение этой цели не предполагает антизападничества; актуальными остаются слова, написанные В. Зеньковским в 1927 г.: «Радикальное антизападничество, время от времени появлявшееся у нас и довольно остро заявившее о себе в недавние годы, неверно и неосуществимо, как невозможно и исторически бесплодно и элементаризирующее западничество» [23, с. 137]. Адекватное восприятие западного соседа убеждает в том, что его исторический опыт является ценным, но при этом особенным; элитам государств евразийского региона необходимо «думать своей головой», стремиться к самопознанию, что предполагает способность мыслить пространством. В русле этой установки и возникла, например, русская классическая литература — воспринятые из Европы литературные формы были наполнены собственным содержанием. Вновь вспомним цель Петра I превратить Россию во вторую Голландию, что привело к роковому разрыву содержания и формы. Эта черта российского бытия (разрыв содержания и формы) недостаточно исследована в отечественных науках, но остро прочувствована и образно выражена художниками. А.П. Чехов, совершивший путешествие по стране, свое впечатление от ее широты выразил словами Лопухина в «Вишневом саде»: «Господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы должны бы по-настоящему быть великанами». Невозможно наполнить все пространство души и ума, эти «глубочайшие горизонты» огромной державы лишь заимствованными у компакт-

ных метрополий прагматично ориентированными идеологами. Обращение в научной статье к художественной литературе может вызвать удивление и возражение. Но историкам и гуманитариям-компаративистам, прежде чем погружаться в объективно-научное исследование своего предмета, стоит для начала ознакомиться с произведениями искусства и литературы соответствующей культуры и цивилизации. Так, различие цивилизаций моря и суши наглядно и ярко проявляется в известных стихотворениях двух великих поэтов — «Время белого человека» и «Памятник». Именно Р. Кипплинга можно называть поэтом имперским, а А.С. Пушкин — это поэт державный, который включает в свое родное пространство в качестве равноправных и славян, и тунгуса, и калмыка.

В заключение укажем, что методологический принцип «мышление пространством» позволяет осознать многообразие культур и цивилизаций с признанием того, что их сочетание и взаимодействие возможно только в процессе постоянного диалога с признанием права на сохранение своей самобытности. К. Леви-Стросс считает, что в сокровищницу мировой цивилизации каждая культура может внести свою лепту: «Индия смогла лучше, чем какая-либо другая цивилизация, разработать философско-религиозную систему, а Китай — образ жизни, то и другое способны преуменьшить психологические последствия демографического неравновесия. Вот уже тринадцать столетий как ислам сформулировал теорию солидарности всех форм человеческой жизни — технической, экономической, социальной, духовной» [24, с. 339]. В своей истории России как евразийской державе необходимо было решать сложную проблему соотношения православной, мусульманской и иных культур. Многовековой опыт взаимодействия культур и государств евразийского региона может быть положен в основу алгоритма обеспечения глобального мира.

Библиографический список

1. Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // ПОЛИТИЯ, 2016. №1 (80).
2. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2008.
4. Гадамер Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
5. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение, и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 3.
6. Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Полис. 1999. № 4.
7. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., 2009.
8. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985.
9. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.

10. Филин Ф.П. Очерки теории языкознания. М., 1982.
11. Ашкерев А.Ю. Социальная антропология. М., 2005.
12. Права человека: учебник для вузов. М., 2003.
13. Французская колониальная империя // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/5911590.
14. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций : в 3-х кн. Кн. 2. М., 1993.
15. Бердяев Н.Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.
16. Федотов Г.П. Судьба империй. Нью-Йорк, 1952.
17. Маккиндер Х. Географическая ось истории // Политология: хрестоматия. М., 2000.
18. Бердяев Н. Судьба России : сочинения. М., 1998.
19. Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Россия между Европой и Азией: антология. М., 1993.
20. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР 1923–1939. М., 2011.
21. Давидсон А.Б. Сесиль Родс и его время. М., 1984. URL: <https://www.rulit.me/books/sesil-rods-i-ego-vremya-read-359158-97.html>.
22. Василенко И.А. Геополитика современного мира. М., 2015.
23. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М., 1997.
24. Леви-Стросс К. Путь масок. М. 2000.